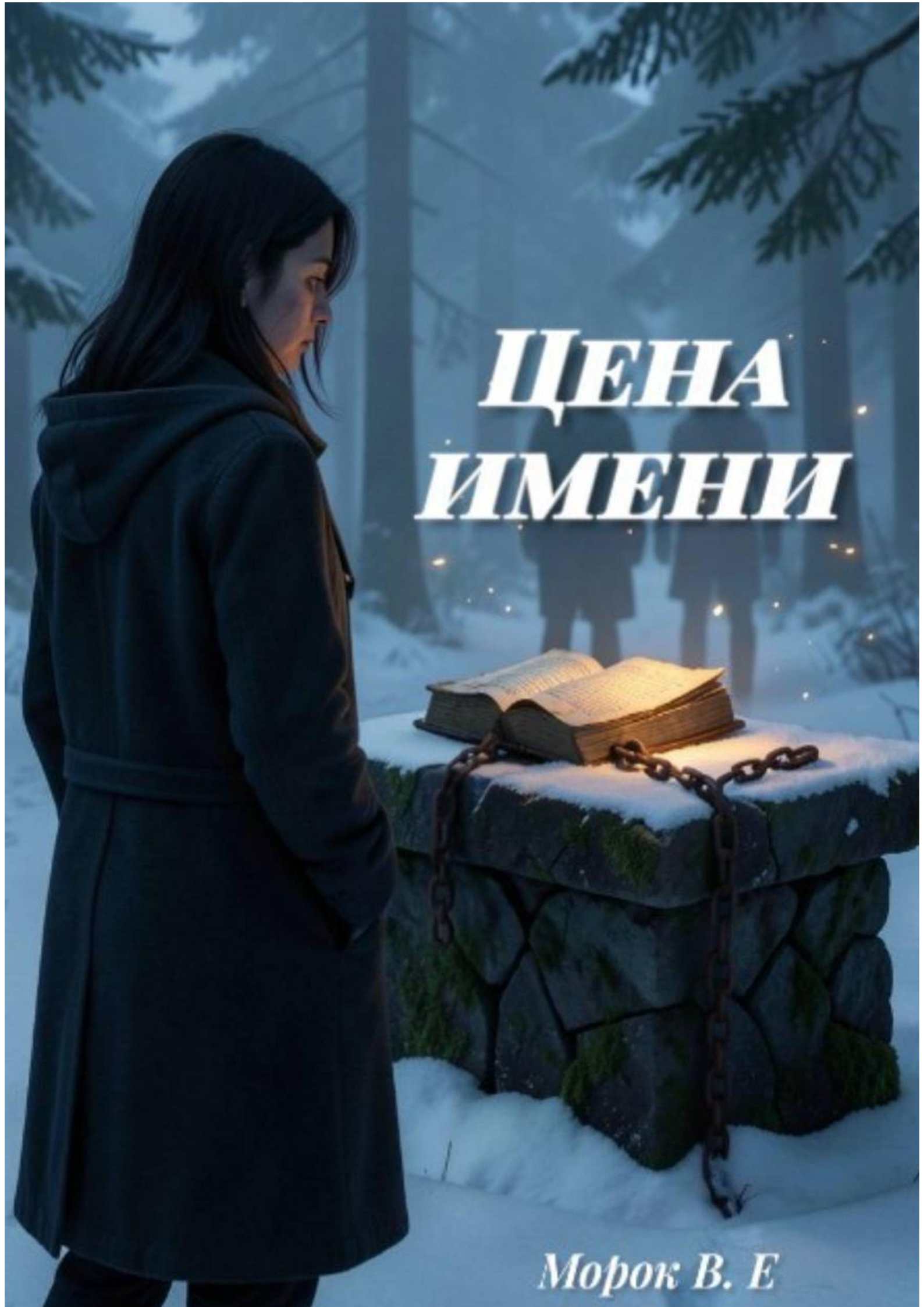

A woman with long dark hair, wearing a dark hooded coat, stands in a snowy forest at night. She is looking down at an open, glowing book that rests on a stone altar. The altar is covered in snow and has a chain draped over it. In the background, there are snow-covered trees and faint silhouettes of other people in the distance.

ЦЕНА ИМЕНИ

Морок В. Е

Морок В.Е

Цена имени

«Автор»

2026

Морок В.Е

Цена имени / Морок В.Е — «Автор», 2026

Яра — пожирательница имён. Она умеет видеть под обликом чудовища спрятанного человека и возвращать ему имя, освобождая от забвения. Но за каждое спасённое имя она платит частью собственной памяти: лицо матери, вкус хлеба, имя друга. Когда-то её мать, Светозара, искала способ забирать имена без этой цены. Орден Летописцев объявил её предательницей и стёр из архивов всё, что могло бы раскрыть правду. Яра выросла, не помня о ней. Пока не встретила у Чёрных топей безымянного, который знает её имя — и ждёт её уже тридцать один год. Теперь Яре предстоит узнать, чем на самом деле является её дар, почему Орден скрывает правду два века, и что значит разделить самую тяжёлую ношу с тем, кто готов её понести вместе с ней. Это история о памяти, цене спасения и любви, которая сильнее забвения.

© Морок В.Е, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие к Открытому Архиву	5
Глава первая. Безымянный у реки	7
Глава вторая. Летописец	8
Глава третья. Деревня у Чёрных топей	10
Глава четвёртая. Имя, которое я не произнесла	12
Глава пятая. Архивы, которых не существует	14
Глава шестая. Дом, который помнит больше, чем я	16
Глава седьмая. Чего боится Орден	18
Глава восьмая. Вопрос у алтаря	20
Глава девятая. Совет Летописцев	22
Глава десятая. Отступники	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Морок В.Е

Цена имени

Предисловие к Открытому Архиву

Составлено для первого издания, доступного за пределами стен Ордена

Два века эта история была погребена глубже, чем имена, которые Орден учил нас забывать.

Вы держите в руках не легенду и не нравоучительную притчу, сочинённую для устрашения или наставления. Это запись событий, случившихся на памяти живущих ныне — записанная теми, кто был её свидетелем, и теми, кто пережил её на собственной цене, собственной коже, собственном стирающемся имени.

Прежде чем вы начнёте читать, вам следует знать несколько вещей, без которых мир этой истории может показаться чужим.

Существует цена, которую платит каждый, кто рождается с даром находить забытое. Орден называет носителей этого дара пожирательницами имён — и это имя, в отличие от многих других в этой истории, было дано не с любовью, а со страхом. Два века Орден учил, что единственный безопасный путь — обменять этот дар на собственную память о себе, раствориться в службе протоколу, который забирает у пожирательницы её собственное имя взамен на контроль над даром.

Эта книга — о женщине, которая узнала, что существовал другой путь. Путь, которым однажды уже пытались пройти её родители, прежде чем Орден разлучил их. Путь, который требует не отказа от себя, а готовности разделить ношу с другим человеком — ценой, которая коснётся их обоих, медленно, неравномерно, без гарантий и без возврата.

Это история не о героях без страха и не о злодеях без оправдания. Орден, который преследовал её, не был собранием чудовищ — это были люди, два века убеждавшие себя, что контроль и есть забота, что молчание и есть защита. Доброгнева, живущая на границе между мирами, не была ни ведьмой, ни святой — она была женщиной, тридцать лет ждавшей, когда кто-нибудь придёт спросить, а не судить.

И сама Яра не была избранной в том смысле, в каком это слово используют старые сказки. Она была дочерью, искавшей ответы о матери, которую Орден объявил предательницей, не предоставив ни единого доказательства, кроме собственного страха.

Если эта история чему-то учит — а мы верим, что учит, — то не тому, что цена может быть устранена, и не тому, что любовь решает всё. Она учит тому, что самая тяжёлая ноша становится переносимой не в одиночестве, а в разделении; что правда, какой бы неудобной она ни была, менее разрушительна, чем молчание, выстроенное для чьего-то удобства; и что имя, данное и хранимое с любовью, — едва ли не единственное, что остаётся по-настоящему нашим в мире, где забвение подстерегает каждого из нас в своё время.

Запись, которую вы прочтёте дальше, не идеальна и не завершена — как и сама жизнь, которую она описывает. Но она честна. И после двух веков контролируемого молчания мы решили, что честность важнее, чем удобный порядок.

Читайте внимательно. Запоминайте имена. Это меньшее, что мы можем сделать друг для друга.

— Радомила, старейшая Открытого Архива

Глава первая. Безымянный у реки

Тварь выла у реки третью ночь подряд — так рассказывали в деревне, пряча глаза, будто вина за это вытьё лежала на каждом из них.

Яра знала: вина действительно лежала на каждом из них. Безымянные не рождаются из ничего. Их растят — молчанием, обидой, тем, что человеку не говорят, кто он, пока он сам не забывает.

Она пришла к реке без оружия. Оружие против этого не поможет — только имя, произнесённое верно, в тот самый миг, когда тварь ещё помнит, что когда-то была человеком.

— Выходи, — сказала она темноте. — Я знаю, кем ты был.

Тварь выползла на берег — большая, безликая, с кожей, похожей на кору старого дерева. Она не рычала. Она плакала, и в этом плаче было что-то до боли узнаваемое — так плачут дети, которых бросили одних в темноте.

— Фёдор, — произнесла Яра тихо, пробуя имя на вкус, как пробуют воду — не отравлена ли.

Тварь дёрнулась. Значит, верно.

— Тебя так звали. Фёдор, сын мельника. Ты утонул в этой самой реке три зимы назад, и никто не пришёл тебя искать, потому что все решили — сбежал от долгов.

Имя делало своё дело — медленно, как яд, выворачивающий наружу то, что было спрятано. Тварь закричала — не от боли, от узнавания — и там, где должно было быть чудовище, на миг проступило лицо испуганного мальчишки.

— Прости, — сказала Яра, и это было правдой. — Тебя никто не вспомнил вовремя. Я вспомнила слишком поздно.

Фёдор, сын мельника, рассыпался пеплом у её ног.

А у Яры в тот же миг стёрлось лицо матери.

Она ещё помнила, что мать была. Помнила голос — низкий, с хрипотцой от дыма печи. Помнила, что любила её. Но лица — не было. Там, где должны были глаза, нос, то, как она улыбалась, — была пустота, гладкая и равнодушная, как речной камень.

«Так будет каждый раз, — прошептал голос внутри неё, голос, который звучал всё тише с каждой потерей. — Ты спасаешь их имена. А твоё кто спасёт?»

Яра не ответила. Она пошла прочь от реки — туда, где ждало следующее имя, которое нужно было вспомнить, прежде чем забыть что-то своё.

Глава вторая. Летописец

Орден Летописцев занимал старое здание бывшего монастыря на холме — там, где когда-то монахи переписывали святые книги, теперь переписывали имена живущих, чтобы ни одно не забылось случайно.

Яру встретил не писарь и не наставник, а человек, которого она видела впервые.

— Горан, — представился он, не протягивая руки. — Я слышал о тебе. О твоём... методе.

Голос у него был сухой, как страницы старых книг, а взгляд — такой, каким смотрят на опасный, но нужный инструмент.

— Фёдор, сын мельника, — сказал он, кладя перед ней лист с именем, уже вписанным аккуратным почерком в толстую книгу. — Записан. Как ты и просила.

— Я не просила записывать. Я просила помнить.

— Это одно и то же, — Горан пожал плечами. — Только записи надёжнее людской памяти. Особенно твоей.

Он знал. Конечно, он знал — Орден следил за каждым своим охотником, считал, сколько они теряют за каждую победу.

— Сколько ты уже забыла, Яра?

Она хотела ответить резко, но вместо этого попыталась вспомнить лицо матери — и снова нашла только гладкую пустоту.

— Достаточно, — сказала она тихо.

— Тогда позволь дать тебе совет, который тебе не понравится, — Горан сел напротив, сложив руки, будто готовился не к разговору, а к спору, который вёл уже много раз с другими, такими же, как она. — Безымянных становится больше. Не потому что люди чаще забывают своё имя, а потому что ты показала им, что забвение можно обратить. Люди теперь не боятся потерять себя. Они знают: придёшь ты и исправишь.

— Я спасаю их.

— Ты даёшь им повод сломаться, зная, что их склеят обратно. А себя ты не склеиваешь, Яра. Ты единственная расходная часть в этой сделке.

Она молчала, потому что не нашла, чем возразить. Голос внутри неё — тот тихий, тающий голос — тоже молчал, будто согласен с чужаком больше, чем с ней самой.

— У меня для тебя новое имя, — Горан толкнул по столу сложенный лист. — Деревня у Чёрных топей. Безымянный там не похож на остальных. Он не воет, не прячется. Он ждёт. Будто знает, что ты придёшь.

Яра взяла лист, и пальцы на миг застыли над строкой с именем деревни — что-то в этом названии царапнуло память, которой там уже не должно было быть.

— Откуда он знает?

— Вот это, — Горан впервые позволил себе что-то похожее на мрачную усмешку, — и выясни. Только, Яра... — он произнёс её имя так, будто взвешивал его на руке. — Если ты узнаешь там то, чего не ожидаешь — вспомни, что я предлагал тебе остановиться, пока был шанс.

Глава третья. Деревня у Чёрных топей

Деревня встретила Яру тишиной — но не той тишиной, что бывает от страха, а той, что бывает от ожидания. Люди не прятались по домам. Они стояли на пороге и смотрели на неё так, будто знали, зачем она пришла, задолго до того, как Орден послал письмо.

Старуха у колодца не отвела взгляда.

— Он сказал, что ты придёшь, — произнесла она вместо приветствия.

— Кто сказал?

— Безымянный, — старуха кивнула в сторону топей, где туман стоял стеной даже днём. — Он не прячется, девка. Он тебя ждёт у старого капища. Третью ночь говорит через сон каждому в деревне одно и то же: «Пришлите ту, что помнит имена. Я назову её моё — но взамен она назовёт мне своё».

Внутри у Яры что-то похолодело — не от страха перед тварью, а от того, что ни один безымянный до этого не вёл переговоров. Они не говорили. Они выли, прятались, плакали, но не торговались.

— Твоё имя он тоже знает, — добавила старуха тихо, почти с жалостью. — Он назвал его во сне. Яра.

Голос внутри неё, тот тающий голос-память, вдруг зазвучал яснее, чем за много недель:

«Беги. Это не безымянный. Это кто-то, кто помнит тебя — а ты его не помнишь. Беги, пока не узнала почему».

Но она уже шла к топям — потому что бежать от собственного забытого прошлого было то же самое, что бежать от самой тьмы внутри неё.

Капище открылось в тумане резко, будто туман сам раздвинулся, пропуская её. Безымянный сидел у разрушенного алтаря — не выл, не прятал лицо. Он ждал, как и обещал, и когда Яра подошла достаточно близко, он поднял голову, и под слоем коры и теней она увидела то, что искала и боялась найти.

Не чужое лицо.

Полустёртые, тающие, но узнаваемые черты — её собственные, какими они могли бы быть у человека, которого она когда-то знала так близко, что сама стала частью его памяти, прежде чем забыть об этом.

— Я ждал, — сказал он голосом, в котором почти не осталось человеческого, но в котором всё ещё звучала узнаваемая нежность. — Ты не помнишь меня, Яра. Но я помню тебя всю — за нас обоих. Я последнее, что у тебя осталось от себя. И если ты назовёшь моё имя — ты не спасёшь меня.

Он сделал паузу, и в этой паузе было больше боли, чем во всём вытье всех безымянных до него.

— Ты уничтожишь последнее, что помнит, кем ты была.

Глава четвёртая. Имя, которое я не произнесла

Яра стояла перед безымянным так долго, что туман успел осесть каплями на её ресницах, а алтарь за его спиной — покрыться свежим слоем инея, хотя ночь не была холодной.

— Назови мне его, — сказала она наконец. — Своё имя. Если ты правда помнишь меня — докажи. Назови то, что я забыла.

Безымянный качнул головой — медленно, почти с жалостью.

— Так не работает, Яра. Ты знаешь правила лучше меня. Имя должно прозвучать от того, кто помнит его со стороны. Я не могу назвать себя сам — иначе давно бы это сделал и рассыпался в прах без твоей помощи.

— Тогда зачем ты меня звал?

— Чтобы ты выбрала, — он подался вперёд, и в движении этом было что-то до боли человеческое — так наклоняется к собеседнику тот, кто хочет быть услышанным, а не тот, кто хочет напугать. — Орден думает, что мы — болезнь, которую нужно вылечивать именем. Но подумай: что, если имя — это не лекарство, а последний якорь? Что, если, называя нас, ты не возвращаешь нам человечность — а отрезаешь последнюю нить, которая держит в этом мире хоть что-то настоящее?

Голос-память внутри Яры зашевелился, слабый, как эхо в пустом доме:

«Он лжёт. Или не лжёт. Я не могу вспомнить достаточно, чтобы сказать точно».

— Я не могу уйти просто так, — сказала Яра. — Орден послал меня. Деревня боится.

— Деревня боится тумана, а не меня, — безымянный усмехнулся, и на миг кора на его лице треснула, показав что-то похожее на кожу под ней — живую, тёплую, почти забытую. — Я не трогал никого. Я ждал тебя три ночи, Яра. Спроси себя — похоже ли это на поведение чудовища, которое нужно останавливать?

Она должна была произнести имя. Так было всегда — узнать, назвать, освободить тварь ценой собственной памяти. Это был долг, который она взяла на себя, и каждый раз, когда она отступала от долга, по деревням продолжали выть голодные, забытые тени.

Но в этот раз, впервые, она не знала имени.

Не потому, что не искала. А потому, что то место в её памяти, где должно было храниться это имя — было не пустым, как с матерью, а выжженным, будто кто-то вырвал его намеренно, с корнем, чтобы она никогда не смогла произнести.

— Я не помню тебя, — сказала она честно, и в этой честности было больше страха, чем в любом крике тварей, которых она убивала до этого. — Не как забыла мать. Иначе. Тебя там нет вообще. Там — рана.

Безымянный замер. А потом — впервые с начала разговора — в его голосе появилось что-то похожее на настоящую боль, не притворную, не рассчитанную.

— Значит, тебя заставили забыть меня специально, — прошептал он. — Значит, кто-то боялся, что ты вспомнишь раньше срока.

— Кто?

— Тот, кто придумал Орден Летописцев, — он посмотрел на неё в последний раз, и в этом взгляде была не угроза, а что-то вроде прощения. — Иди к ним, Яра. Спроси, кто вёл записи до Горана. Спроси, что случилось с архивами тридцать лет назад. И когда узнаешь — возвращайся. Я подожду. Я умею ждать дольше, чем ты умеешь помнить.

Он отступил в туман капища и исчез — не рассыпался пеплом, как Фёдор, сын мельника, а просто растворился, будто туман забрал его обратно, как забирает всё, что ещё не готово быть названным.

Яра осталась одна у разрушенного алтаря, со жгучим, выжженным местом в памяти вместо имени — и с первым, самым важным вопросом всей её охоты: не кем были чудовища, которых она убивала.

А кем была она сама, прежде чем начала их убивать.

Глава пятая. Архивы, которых не существует

Монастырь встретил Яру иначе, чем в прошлый раз. Писцы, обычно склонённые над книгами, подняли головы, когда она прошла через главный зал — не с любопытством, а с тем особым вниманием, каким смотрят на человека, который может задать неудобный вопрос.

Горан ждал её у входа в архив, будто знал точное время её возвращения.

— Ты не принесла имени, — сказал он не как упрёк, а как наблюдение. — Это впервые.

— Безымянный у топей — не обычный случай, — Яра старалась говорить спокойно, хотя внутри всё ещё горело то выжженное место в памяти. — Он знает меня. А я не помню его вообще. Не забыла — там рана, Горан. Будто имя вырезали специально.

Что-то изменилось в его лице — едва заметно, на долю мгновения, но она достаточно охотилась на тварей, прячущих правду, чтобы заметить, когда прячет её человек.

— Расскажи подробно, — попросил он, и в голосе прозвучала осторожность, которой не было раньше.

Она рассказала — про три ночи ожидания, про слова о якоре, про предупреждение спросить об архивах тридцатилетней давности.

Горан долго молчал.

— Пойдём, — сказал он наконец.

Он провёл её не в главный зал записей, а глубже — туда, где воздух пах старой бумагой и чем-то похожим на пепел. Полки здесь были плотнее, книги — старше, а на некоторых полках виднелись пустые промежутки, будто тома вынули и не вернули.

— Орден ведёт записи имён уже два века, — сказал Горан, останавливаясь перед одним из таких промежутков. — Каждый писец, каждый охотник, каждое спасённое или уничтоженное имя — записано. Кроме одного периода.

Он указал на пустое место на полке — ровно там, где должен был стоять том.

— Тридцать один год назад. Полгода записей просто отсутствуют. Не повреждены, не сгорели — изъяты. Кем-то, кто имел доступ и знал, что ищет.

— Что случилось тридцать один год назад?

— Я не знаю, — произнёс Горан, и впервые с их первой встречи в его голосе не было холодной уверенности. — Я пришёл в Орден позже. Но я знаю, кто был главным Летописцем в то время.

Он взял с соседней полки один из немногих уцелевших томов и открыл на странице со списком имён хранителей архива.

— Её звали Светозара, — сказал он. — Она исчезла в тот же год, когда пропали записи. Официально — умерла от болезни. Неофициально... — он замолчал, подбирая слова, — несколько старых писцов, которых уже нет в живых, говорили, что она последние месяцы вела какое-то собственное расследование. Что-то про дар, передающийся по крови. Про то, что способность срезать имена — не милость, а проклятие, которое Орден намеренно скрывает, чтобы иметь оружие против безымянных.

Яра почувствовала, как внутри неё что-то сжалось — не страх, а узнавание, то самое чувство, которое возникало каждый раз, когда она была близко к правде, которую боялась знать.

— Светозара была моей... — начала она, и не смогла закончить, потому что не знала, каким словом закончить фразу. Матерью? Учителем? Тем, кого стёрли из её памяти вместе с тем безымянным у топей?

— Я не знаю, — честно ответил Горан. — Но я думаю, что ты знала её. И я думаю, что тот безымянный у Чёрных топей — не случайная тварь, которую послали тебе на пути.

Он закрыл книгу и посмотрел на неё с выражением, в котором смешались сочувствие и что-то похожее на страх.

— Я думаю, Яра, что Орден послал тебя туда намеренно. Чтобы увидеть, вспомнишь ли ты. И судя по тому, что ты всё ещё здесь, а не рассыпалась пеплом вместе с ним — ты прошла испытание так, как им было нужно.

Голос-память внутри неё, тающий с каждым днём, вдруг зазвучал с неожиданной, пугающей ясностью — не словами, а чистым, острым узнаванием:

Светозара.

Имя отозвалось в ней болью, похожей на ту, что чувствуешь, разгибая палец, который долго был сломан.

— Мне нужно увидеть, где она жила, — сказала Яра. — Где закончила. Там могут быть ответы, которых нет в архиве.

Горан кивнул, но на лице его читалось то, чего он не произнёс вслух: что если она найдёт эти ответы, Орден — и, возможно, он сам — окажутся не на той стороне правды, на которой стояли все эти годы.

Глава шестая. Дом, который помнит больше, чем я

Дом Светозары стоял на окраине старого города — там, где улицы переставали быть улицами и превращались в заросшие тропы между покосившимися заборами. Он не был разрушен, не был заброшен в привычном смысле. Просто забыт — так забывают человека, о котором стараются не вспоминать, потому что память о нём неудобна.

Горан остался у ворот.

— Это должна быть твоя дверь, — сказал он. — Если там есть что-то для Ордена, я должен буду доложить. Но если там есть что-то для тебя — я подожду здесь столько, сколько нужно.

Яра не ответила. Она толкнула дверь, и та открылась легко, без скрипа, будто дом ждал именно её все эти тридцать один год.

Внутри было пыльно, но не разграблено — ни один из многочисленных писцов Ордена, судя по всему, не удосужился проверить этот дом, или кто-то намеренно сделал так, чтобы его не нашли. На столе лежала раскрытая книга — не из тех толстых реестров имён, что хранились в архиве, а личный дневник, исписанный мелким, нервным почерком.

Яра села и начала читать.

«Дар передаётся не каждому в роду, а только тому, кто готов платить. Моя дочь готова. Я вижу это по тому, как она смотрит на безымянных — не со страхом, а с узнаванием, будто сама когда-то была на их месте».

Дочь.

Слово ударило сильнее, чем она ожидала — не потому, что было неожиданным, а потому, что внутри неё, в том выжженном месте, которое должно было хранить имя безымянного у топей, что-то отозвалось, будто две раны соединились в одну.

Она продолжила читать.

«Орден не понимает природу дара. Они думают, что мы срезаем имена, как хирурги — опухоль, с пользой и без следа. Но дар — это обмен. Безымянный получает своё имя обратно и исчезает с миром. Пожирательница получает частицу его жизни — и теряет часть своей. Это не лечение. Это перенос. Мы не спасаем их. Мы меняемся с ними местами, по кусочку, пока не останется неясно, кто из нас кем был изначально».

Яра почувствовала, как холодеет кожа.

«Самое страшное — то, что я поняла слишком поздно. Если пожирательница теряет достаточно себя, она сама становится безымянной. Не чудовищем с корой на коже — а просто пустотой в форме человека, ждущей, когда кто-то другой, с таким же даром, придёт и назовёт

её имя. Так дар не заканчивается со смертью одного носителя. Он переходит. Моя дочь — следующая. И я боюсь, что я уже не смогу остановить то, что начала».

Дальше несколько страниц были вырваны — грубо, явно второпях, судя по неровным краям.

Последняя целая запись была короче остальных, и почерк в ней дрожал сильнее:

«Если ты читаешь это, значит, ты дошла до того же места, что и я. Значит, ты уже встретила его — того, кого я не смогла назвать перед смертью, потому что назвать его означало бы признать, кем я была для него. Прости меня, Яра. Я забрала твою память о нём, чтобы ты не повторила мою ошибку. Но, кажется, ошибка — это и есть то, что делает нас людьми, а не именами в чужой книге».

Яра захлопнула дневник. Руки дрожали.

Значит, безымянный у Чёрных топей — не случайная тварь. Не бывший возлюбленный, не друг детства. Что-то ближе, страшнее, роднее.

Отец.

Слово пришло не из памяти — там всё ещё была выжженная пустота — а из какого-то более глубокого, почти телесного узнавания, которое не нуждалось в воспоминаниях, чтобы быть правдой.

Она вышла из дома, где Горан ждал её у ворот, и по её лицу он, видимо, понял достаточно, чтобы не задавать вопросов сразу.

— Нашла что-то? — спросил он всё же, осторожно.

— Я нашла то, что Орден прячет уже тридцать один год, — ответила Яра, и голос её звучал твёрже, чем она чувствовала себя внутри. — Дар, которым я владею — не оружие против безымянных, Горан. Это способ, которым безымянные размножаются. Каждая пожирательница имён в итоге сама становится тем, против чего охотится.

Она посмотрела на него прямо.

— И я хочу знать, знал ли об этом Орден, когда выбирал меня. И если знал — почему никто не сказал мне правду, пока я не нашла её сама, в доме мёртвой женщины, которая оказалась моей матерью.

Глава седьмая. Чего боится Орден

Горан молчал так долго, что Яра успела пожалеть о своей прямоте — не потому, что сказанное было ложью, а потому, что по его лицу она видела: он взвешивает, сколько правды может позволить себе сказать в ответ.

— Пойдём отсюда, — сказал он наконец. — Не здесь. Этот дом слишком близко к городу, а то, что я скажу, не должно долетать до чужих ушей.

Они шли через заросшие тропы в сторону старого моста, где когда-то, судя по трещинам в камне, кипела жизнь, а теперь было пусто и тихо, как на кладбище.

— Орден знал про Светозару, — заговорил Горан, когда город остался позади. — Не всё, но достаточно, чтобы испугаться. Когда она исчезла, старшие Летописцы приняли решение не искать её дочь специально — просто ждать. Если дар проявится, девочка сама найдёт дорогу к Ордену, как рыба находит дорогу к нерестилищу. Так и случилось. Ты пришла сама, пятнадцать лет назад, не помня ничего, кроме того, что умеешь видеть сквозь кожу чудовищ.

— Они стёрли мою память специально?

— Нет, — Горан покачал головой. — Это сделала твоя мать, если верить дневнику. Орден просто... не стал возвращать то, что ты забыла. Им было удобнее иметь охотницу без прошлого. Прошное задаёт вопросы. А вопросы задерживают работу.

В его голосе прозвучала горечь, которой Яра не слышала раньше — горечь человека, который долго служил системе, не позволяя себе видеть её изнанку, и теперь был вынужден смотреть.

— Ты знал всё это с самого начала?

— Я узнал про пропавшие архивы вскоре после того, как занял должность, — ответил он. — Но я не знал про тебя. Про то, что ты — её дочь. Пока ты не рассказала про безымянного у топей, я искренне думал, что Светозара просто была талантливым Летописцем, которая слишком глубоко закопалась в теорию дара и не выдержала собственных открытий.

— А теперь?

Горан остановился на мосту, глядя на тёмную воду под ним.

— А теперь я думаю, что Орден — не защита от безымянных, Яра. Орден — это система, которая производит пожирательниц имён, использует их, пока они не истощатся до состояния, которое ты нашла у топей, а затем находит следующую, ничего не объясняя, потому что объяснённая правда порождает отказ, а необъяснённый долг — повиновение.

Он посмотрел на неё, и в его взгляде она увидела то, чего не замечала раньше — не холодную уверенность Летописца, а усталость человека, который слишком долго был частью машины и только сейчас начал видеть её целиком.

— Я предлагал тебе остановиться не потому, что боялся за Орден, — сказал он тихо. — Я предлагал, потому что видел, какой стала Светозара в последние месяцы перед исчезновением. Я видел записи о её состоянии. Она забыла собственное имя за три дня до того, как пропала. Писцы, что ещё помнят это, называли её просто «та женщина», потому что даже они перестали помнить, как её зовут.

Яра почувствовала, как внутри неё, в выжженном месте, что-то отозвалось новой болью — не узнаванием, а страхом. Если дар переходит, если мать стала безымянной прежде, чем исчезнуть, значит, где-то — возможно, рядом, возможно, уже встреченный — существовал безымянный, который был не отцом, не возлюбленным, а самой Светозарой.

— Топи, — прошептала она. — Безымянный у Чёрных топей — не отец. Это может быть она.

Горан нахмурился, но не стал её разубеждать — потому что оба понимали: единственный способ узнать правду — вернуться туда, где всё началось, и на этот раз спросить прямо.

— Если это так, — сказал он медленно, — то назвать её имя будет не освобождением, а убийством собственной матери второй раз. А не назвать — оставить её в вечном ожидании у алтаря, помнящей тебя лучше, чем ты сама помнишь себя.

Он помолчал, а затем добавил то, что, судя по тону, стоило ему немалых усилий признать вслух:

— Я больше не уверен, что служу правильному делу, Яра. И я не знаю, что страшнее — продолжать служить Ордену, зная это, или помочь тебе разрушить его, не зная, что будет взамен.

Глава восьмая. Вопрос у алтаря

Топи встретили их тем же туманом, что и в первый раз — густым, стоячим, будто время здесь текло иначе, дожидаясь, пока Яра вернётся с правильным вопросом.

Горан остался на границе капища.

— Я должен быть здесь, — сказал он, предвосхищая её возражение. — Не потому, что не доверяю тебе. Потому что если это действительно Светозара, тебе понадобится кто-то, кто не связан с ней памятью, чтобы остаться в своём уме после разговора.

Яра кивнула и пошла вперёд одна.

Безымянный ждал на том же месте, у разрушенного алтаря, будто не двигался все эти дни — а может, и не двигался вовсе, застыв между формами, которые уже не мог удержать до конца.

— Ты вернулась быстрее, чем я думал, — произнёс он тем же двойственным голосом, в котором смешивались тающая человечность и то, что уже перестало быть человеком.

— Я была в твоём доме, — сказала Яра, и голос её дрогнул на последнем слове. — В доме Светозары.

Что-то в фигуре безымянного переменялось — не физически, а в самой сути того, как он держался, будто имя, прозвучавшее вслух, пробило трещину в маске, которую он носил намеренно.

— Значит, ты нашла дневник, — сказал он, и теперь в голосе появилась нота, которой Яра не слышала раньше — не отцовская нежность, не чужая угроза, а что-то третье, горькое и узнаваемое по дрожи, с которой это произносилось.

— Ты не отец, — прошептала Яра, делая шаг ближе, несмотря на всё внутри неё, что кричало остановиться. — Ты она. Ты моя мать.

Безымянный — Светозара — не стала отрицать. Кора на её лице треснула шире, и под ней, в этот раз явственнее, проступили черты женщины, уставшей не от возраста, а от тяжести того, что она несла в себе дольше, чем любое живое существо способно нести.

— Я не хотела, чтобы ты узнала так, — сказала она. — Я хотела, чтобы ты прожила жизнь, не зная цены дара, пока не стало бы слишком поздно отступить. Но дар не позволяет прятаться вечно. Он находит своих носителей, как вода находит трещины в камне.

— Почему ты не сказала мне правду, когда ещё могла? Почему стёрла себя из моей памяти?

— Потому что я боялась, что если ты будешь знать, чем это закончится, ты откажешься от дара прежде, чем научишься им владеть, — Светозара говорила медленно, будто каждое

слово стоило ей сил, которых оставалось всё меньше. — А дар, Яра, нужен миру. Безымянные не перестанут появляться только потому, что мы боимся цены их спасения. Кто-то должен платить эту цену. Я выбрала, чтобы это была ты — не потому что хотела твоей боли, а потому что верила, что ты сильнее меня. Что ты выдержишься дольше, чем я продержалась.

— А если я не хочу платить эту цену? — голос Яры дрожал от злости, смешанной с болью, которую она не могла до конца объяснить, потому что память о матери была пуста, но тело помнило утрату, которую разум не мог назвать. — Если я хочу остаться собой, а не превратиться в то, во что превратилась ты?

Светозара посмотрела на неё долгим взглядом, в котором было больше любви, чем Яра ожидала найти в чудовище.

— Тогда назови моё имя, — сказала она тихо. — Отпусти меня, и выбери сама, станешь ли ты следующей, кто ждёт у алтаря, или найдёшь способ, которого я не нашла — забрать имена без того, чтобы отдавать свои взамен.

— Такой способ существует?

— Я не знаю, — честно ответила Светозара. — Я искала его все последние годы жизни и не нашла. Но ты моложе, чем была я, когда начала искать. И у тебя есть то, чего не было у меня.

— Что?

— Кто-то, кто готов усомниться в Ордене вместе с тобой, — Светозара посмотрела в сторону, где у границы капища стоял Горан, стараясь не слышать больше, чем должен. — Я искала одна. Ты можешь не повторить эту ошибку.

Яра стояла перед матерью, зная, что следующее произнесённое слово навсегда определит, кем она станет — дочерью, отпустившей родителя с миром, или ещё одной пожирательницей, принявшей цену без вопросов.

— Светозара, — произнесла она наконец, и имя прозвучало не как приговор, а как последнее, что мать могла получить от дочери взамен тридцати одного года молчания. — Я отпускаю тебя. Но я не остановлюсь на этом. Я найду способ, которого не нашла ты.

Светозара улыбнулась — впервые с начала разговора по-настоящему, без боли, — и начала рассыпаться не пеплом, а светом, тёплым и мягким, будто туман наконец выпустил то, что держал слишком долго.

Яра упала на колени у алтаря, и в этот раз цена, которую она заплатила, была не воспоминанием, которое исчезло, а воспоминанием, которое вернулось — целиком, ярко, болезненно: лицо матери, её голос, её последние слова перед тем, как исчезнуть тридцать один год назад.

Это был первый раз, когда дар отдал ей что-то, вместо того чтобы забрать.

Глава девятая. Совет Летописцев

Весть о том, что безымянный у Чёрных топей исчез без записи его имени в реестр, долегла до монастыря быстрее, чем Яра успела вернуться. Её ждали не писцы и не Горан — её ждал Совет: пятеро старших Летописцев, чьи имена она слышала раньше только в документах, никогда — в лицо.

Зал, куда её привели, не был похож на архив или кабинет Горана. Это была круглая комната без окон, освещённая масляными лампами, расставленными так, что лица сидящих оставались в тени, а лицо того, кто стоял в центре — на свету.

— Яра, дочь Светозары, — произнёс голос из тени, и в том, как он произнёс её полное происхождение, не было вопроса — только утверждение того, что они знали всё с самого начала. — Ты нарушила протокол. Безымянный должен быть назван вслух перед свидетелем Ордена и записан в реестр. Ты сделала и то, и другое — в неправильном порядке.

— Я не знала, что порядок важнее смысла, — ответила Яра, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Порядок — это и есть смысл, — отозвался другой голос, старше, суше. — Без порядка дар превращается в произвол. А произвол — в то, чем стала твоя мать перед тем, как исчезла.

— Вы знали, что она моя мать, — сказала Яра, не как вопрос. — Вы знали всё с того дня, как я пришла к вам, не помня своего прошлого. Вы использовали меня, зная, чем закончила она.

Тишина, повисшая после этих слов, была достаточным ответом.

— Мы защищаем мир от безымянных уже два века, — произнёс первый голос, и в нём не было ни капли извинения — только холодная уверенность человека, давно научившегося оправдывать цену своими целями. — Каждый метод, который работает, стоит того, чтобы его сохранить, независимо от цены для одного человека.

— Для одного человека каждый раз, — поправила Яра. — Пока он не истощится и его не заменят следующим.

— Именно, — согласился голос без малейшего смущения. — Таков порядок вещей. Таков был выбор твоей матери, когда она согласилась растить дочь, способную продолжить её работу.

Яра почувствовала, как внутри неё поднимается не страх, а что-то более холодное и ясное — решимость, которая раньше терялась под слоями забытых воспоминаний, а теперь, после возвращённой памяти о матери, обрела твёрдую опору.

— Моя мать искала способ забирать имена без того, чтобы отдавать свои взамен, — сказала она прямо. — Она не нашла его. Я найду.

Среди Совета пробежало движение — не паника, но что-то похожее на тревогу, которую немедленно спрятали за маской невозмутимости.

— Такого способа не существует, — сказал третий голос, моложе остальных, почти торопливо. — Дар основан на обмене. Это его природа.

— Тогда почему вы испугались, когда я произнесла это вслух? — Яра посмотрела прямо в тень, откуда звучал этот голос, и впервые за весь разговор увидела, как кто-то из Совета отвёл взгляд.

Горан, стоявший у входа всё это время молча, впервые подал голос:

— Если такой способ существует, Совет, и вы знали об этом, скрывая от каждой пожирающей имён, которую отправляли на смерть по кускам — это не защита мира. Это убийство, растянутое на поколения.

— Ты забываешь своё место, Летописец, — отрезал первый голос резко.

— Я помню своё место слишком хорошо, — ответил Горан, и в его голосе прозвучала решимость, которую Яра не слышала раньше. — Именно поэтому я больше не могу молчать.

Совет молчал долго — достаточно долго, чтобы Яра поняла: пауза была не раздумьем, а подготовкой решения, принятого задолго до этого разговора.

— Яра, дочь Светозары, — произнёс наконец первый голос, и в тоне его прозвучала финальность, не терпящая возражений. — Ты отстранена от охоты до дальнейшего распоряжения. Твой доступ к архивам закрыт. Если ты продолжишь поиск того, чего, по нашим словам, не существует — ты будешь объявлена отступницей, и Орден будет вынужден рассматривать тебя как угрозу, равную безымянным, против которых ты охотилась.

Слово «отступница» повисло в воздухе комнаты тяжелее, чем любое из прозвучавших ранее.

— Тогда, полагаю, — сказала Яра медленно, чувствуя, как внутри неё что-то окончательно встаёт на место, — у меня нет причин оставаться частью Ордена, который готов называть меня угрозой за то, что я ищу правду, которую вы прячете уже тридцать один год.

Она развернулась и пошла к выходу, и Горан, после короткого колебания, пошёл за ней — выбор, который, как оба понимали, сделал его таким же отступником, как и её.

Глава десятая. Отступники

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.